

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2013

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. А. Филонов. Граница «вымысла» и «реальности» в эволюции сказового повествования Н. В. Гоголя	5
В. Е. Ветловская. Достоевский в 1840-е годы: литературные связи и отражения . . .	16

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. З. СЕРМАНА

Н. Д. Кочеткова. И. З. Серман (1913—2010) — исследователь русской литературы XVIII века	34
--	----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Н. А. Богомолов. Из истории переводческого ремесла в 1930-е годы (М. А. Кузмин в работе над «Дон Жуаном» Байрона)	44
--	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. В. Майоров. «Двойные» известия Галицко-Волынской летописи	87
Е. В. Казарцев. «Die gekrönte Hoffnung des Russischen Keisertums...» Готлоба Юнкера в переводе М. В. Ломоносова	99
А. А. Костин. «Чудище... плавай». Из дополнений к истории крылатого выражения	111
А. К. Федотова. «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...» Н. А. Львова: подражание или литературный эксперимент?	120
И. А. Пильщиков. По какому источнику Пушкин переводил Ариосто?	129
А. Л. Петрова. К источникам знаний Н. С. Лескова о философии Сократа	152
М. Г. Сальман. Из школьных лет О. Э. Мандельштама. 1. Религиозный вопрос в Тенишевском училище	168
Письма В. А. Рождественского к М. А. Борисяк (публикация И. Д. Якубович)	182
Е. Р. Обатнина. А. М. Ремизов: «битва под Разумником» (к вопросу об авторстве и историческом контексте одного памфлета)	188

Лю Вэньфэй (КНР). Д. П. Святополк-Мирский и его «История русской литературы»	203
Г. В. Петрова. О поэтическом дендрарии А. А. Ахматовой	213
М. В. Трунин. Переписка Ю. М. Лотмана с Яном Кроссом об историческом романе.	220

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. В. Тоичкина. «Мастер из России»: творчество Достоевского в исследованиях Хорста-Юргена Геригка	235
Е. М. Табориская. Энциклопедия «А. Н. Островский»	237
С. А. Кибальник. Чеховская энциклопедия. Первый опыт	241

ХРОНИКА

М. Ю. Степина. XXXVI Некрасовская конференция	243
Ю. А. Клейнер, Г. А. Левинтон. Заседание, посвященное 100-летию А. Б. Лорда	247
С. А. Ипатова. Научная конференция «Тургенев в зеркале русской критики. К 150-летию романа „Отцы и дети” и к 160-летию „Записок охотника”»	249
Н. Ю. Грякалова. Конференция «Записные книжки писателей: факт — текст — эдичия»	252

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,*
И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ,*
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
 Телефон/факс (812) 328-16-01
 e-mail: rusliter@mail.ru

А. М. РЕМИЗОВ: «БИТВА ПОД РАЗУМНИКОМ»

(К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ОДНОГО ПАМФЛЕТА)

Атрибуция опубликованных в отечественной периодике революционного времени 1917—1918 годов анонимных или подписанных псевдонимами публицистических текстов — сложная текстологическая задача, которая за отсутствием издательских архивов или других источников, указывающих на автора, имеет твердый шанс оставаться неразрешенной. На первый взгляд, к казусам такого рода относятся и вопрос об авторстве статьи «Подкальватель», появившейся за подписью «Ип. Трилесов» в конце января 1918 года на страницах органа правых социалистов-революционеров «Воля Страны» (переименованная «Воля Народа») в рубрике «Ночные дни». Поводом для этого печатного выступления, выдержанного в форме острой политической инвективы, послужил созданный составителем альманаха «Скифы» Ивановым-Разумником прецедент одновременной публикации на страницах сборника поэмы А. М. Ремизова «Слово о гибели Русской Земли» и собственной статьи «Две России», преимущественно посвященной «Слову». Неизвестный автор «Подкальвателя» обвинял редактора «Скифов» в том, что под видом литературной критики он обнародовал политический «донос» большевистским властям на Ремизова с намерением заодно дискредитировать и редакцию газеты «Воля Народа», осуществившую первую публикацию поэмы.

Полемика, спровоцированная «Словом о гибели Русской Земли», представляла собой сложную комбинацию противоположных идеологических взглядов и политических мотивов, содержание которых находилось в прямой зависимости от конкретного исторического момента. В контексте событий, свершившихся в Петрограде в конце 1917 — начале 1918 года (уничтожение свободы слова, запрет целого ряда политических партий, арест редакции «Воли Народа», убийство политических оппонентов большевиков — А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокوشкина, разгон Учредительного Собрания и многое другое), внутренний смысл статьи Ип. Трилесова выходил за рамки собственно литературной дискуссии о содержании и критических оценках поэмы Ремизова.

К настоящему времени и статья «Подкальватель», и ее атрибуция не раз становились предметом исследовательского интереса. Впервые текст был введен в научный оборот в 1998 году в Приложении к публикации писем Иванова-Разумника к Ремизову.¹ Тогда публикаторы, не затрагивая вопрос о личности, скрывавшейся под псевдонимом Ип. Трилесов, ограничились комментарием историко-литературных реалий текста. В частности, была отмечена корреляция между памфлетом и статьей Антона Крайнего (З. Н. Гиппиус) «Неприличия».²

В монографии «„Скифы“ русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики» (М., 2007) Я. В. Леонтьев высказал предположение, что авторами «Подкальвателя» были супруги Мережковские. Действительно, Иванов-Разумник неоднократно выступал в роли литературного и идеологического оппонента Мережковских и их окружения.³ Версия Я. В. Леонтьева основывалась на топонимике и действующих лицах романа Д. С. Мережковского «14 декабря», где

¹ См.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона. Вступ. заметка и комм. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования / Ред.-сост. В. Г. Белоус. СПб., 1998. Вып. 2. С. 119—122.

² Антон Крайний. Неприличия // Современное слово. 1918. 16 июня. № 3554.

³ Подробнее см.: Белоус В. Об одном инциденте в Петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 55—69.

упоминается село Трилеса и фигурирует имя Ипполит.⁴ Исследователь ссылался также на письмо З. Н. Гиппиус, адресованное Ремизову, в котором она сама обещала отреагировать на статью «Две России» и призывала писателя к достойному ответу критику.⁵ Коррективы в предложенную дешифровку внес рецензент «„Скифов” русской революции» А. В. Лавров, уточнив, что, вероятнее всего, «под маской Ип. Трилесева скрывался <...> Антон Крайний», так как и «стилевые особенности „Подкальвателя” свидетельствуют в пользу этой атрибуции».⁶

Проблема идентификации псевдонима Ип. Трилесов, вновь была актуализирована Е. В. Ивановой в книге «Вольная философская ассоциация. 1919—1924» (М.: Наука, 2010) и решена довольно экстравагантным образом: автором «Подкальвателя» здесь назван А. М. Ремизов. Мотив использования псевдонима объяснялся давними дружескими отношениями писателя и критика, завязавшимися с 1908 года: «...близкие и доверительные отношения лишали его (Ремизова. — Е. О.) возможности ответить от своего лица, но и промолчать он не мог. В итоге он все-таки вступил в „битву под Разумником”, но вступил в нее с закрытым забралом, опубликовав в правосероверской газете „Воля страны” под псевдонимом Ип. Трилесов статью „Подкальватель»».⁷ Заявляя о причастности писателя к скандальной статье, исследователь пренебрегает указанием на источники. Принятый в научном обиходе инструментарий вытеснен дискурсом, не подразумевающим возражений. Е. В. Иванова утверждает: «...авторство Ремизова почти ни у кого не вызывало сомнений...»;⁸ «...псевдоним мало кого способен был ввести в заблуждение, — стиль Ремизова обладал настолько ярким своеобразием, что льва по когтям узнали сразу, да к тому же ответ настолько точно описывал житейские реалии отношений Иванова-Разумника и тех, кого собирал он вокруг себя в разные периоды жизни, что посторонний едва ли мог представить их с такой отчетливостью».⁹

По логике Е. В. Ивановой именно «псевдоним позволил Ремизову высказаться о собственном произведении».¹⁰ Действительно, отчего бы не представить себе, будто писатель решил выступить в собственную защиту. Вот как выглядит «ремизовский стиль» в тексте «Подкальвателя»: «Я не буду распространяться о том, кто такой А. Ремизов. Это все знают <...> Ремизов написал очень сильную, яркую и бездонно искреннюю вещь — „Слово о гибели Русской Земли”. Нет сомнения: миллионы русских людей (если бы эти миллионы ее прочитали) узнали бы в ней свою душу».¹¹ Действительно, к чему излишние сомнения, когда сам «Ремизов» призывает смотреть на вещи лишь под одним углом зрения. При такой установке, разумеется, только сам писатель мог рассказать, как был обманут Ивановым-Разумником, как критик состряпал «донос», будто он, Ремизов, «защищает „самодержавие, православие и народность»» и о том, что ему, Ремизову, «ненавистна всякая революция».¹² Наконец, отчего бы вживе не представить себе и как оскорбленный в гражданских чувствах автор «Слова о гибели Русской Земли» выводит перышком гневные пророчества в адрес своего обидчика: «Вы еще вспомните тогда Ремизова, г-да Разумника-Ивановы. Но он не напишет „Слова о гибели...” вашей. Он будет славить возрожденную Россию и святую революцию, ее Звезду Утреннюю».¹³

⁴ См.: *Леонтьев Я. В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. С. 230—231.

⁵ Там же. С. 231.

⁶ *Лавров А. В.* [Рец.] *Леонтьев Я. В.* «„Скифы” русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики». М., 2007 // Новое литературное обозрение. 2008. № 92. С. 342.

⁷ *Вольная философская ассоциация: 1919—1924* / Изд. подг. Е. В. Иванова при участии Е. Г. Местергази. М., 2010. С. 125.

⁸ Там же. С. 127.

⁹ Там же. С. 126.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ Цит. по: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944). С. 120.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 121.

Спору нет, писатель А. М. Ремизов обладал завидным чувством юмора. Однако в этой, «другой драме», он вряд ли принял бы на себя роль паяца. «Слово о погибели Русской Земли», оказавшееся в центре полемики вокруг вторых «Скифов», написано в трагическом регистре и пронизано страданием и болью за отечество. Так же как и автора «Подкальвателя», по содержанию высказываний трудно заподозрить в легкомысленном шутовстве. Получается, что иной раз смелое воображение исследователя может превратить драматическую идейную коллизию переломной исторической эпохи с участием реальных лиц в смехотворный фарс театра картонных теней, а труд историка литературы — в «разоблачение» персон, лишенных возможности рассказать, как все было на самом деле. В связи с этим трудно обойти также вопрос, почему бы профессиональному филологу вместо голословных утверждений не предпринять хотя бы сравнительный анализ «Подкальвателя» с каким-либо текстом писателя, благодаря чему «тождество» стилей Трилесова и Ремизова стало бы очевидным и для современных читателей.

Нельзя сказать, что Е. В. Иванова совсем не опирается на документальный материал. Однако цитирование дневниковых записей Ремизова и М. Пришвина, а также упоминание отзыва на статью «Две России» Ан. Чеботаревской¹⁴ лишь демонстрируют общий контекст мыслей и настроений, сопутствовавших появлению статьи Ип. Трилесова. Для этих же целей закономерно служит и упомянутое выше письмо Ремизову, в котором Гиппиус сообщает о намерении выступить в защиту оклеветанного писателя. Однако цитата сопровождается ошибкой: письмо датируется 1 января. В действительности Гиппиус обратилась к Ремизову 15 января: дата четко проставлена ее рукой в правом верхнем углу листа; здесь же ремизовская помета красными чернилами «18 I», — очевидно, день получения послания.¹⁵ В сносках Е. В. Иванова указывает, что цитата дается по публикации, осуществленной в 1978 году Х. Ламплем.¹⁶ Однако австрийский ученый, который первым ввел в научный оборот материалы парижского архива Ремизова — фрагменты писем З. Н. Гиппиус к С. П. Ремизовой, не только воспроизводит в своих комментариях практически полный текст послания Гиппиус Ремизову,¹⁷ но и во вступительной статье называет его правильную дату.¹⁸

Несообразность повторяющейся ошибочной датировки письма¹⁹ и указанного источника убеждает нас в том, что проблема атрибуции псевдонима «Ип. Трилесов» могла разрешиться намного быстрее. На самом деле в публикации Х. Лампля содержится важная подробность, проливающая свет на темное происхождение «Подкальвателя», а именно — *post scriptum* в письме Гиппиус к жене Ремизова от 21 января: «Жду от вас вестей насчет моей рукописи у Мих(аила) Мих(айловича) (Пришвина. — Е. О.)». Именно эта короткая фраза сводит на нет утверждение о тождестве А. М. Ремизова и Ип. Трилесова. Рукопись З. Гиппиус, переданная М. М. Пришвину и три дня спустя опубликованная на первой полосе «Воли Страны», и есть не что иное, как «Подкальватель». Что, собственно, частично подтвер-

¹⁴ Ан. Чеб-ская. Стрельба по своим // Новый вечерний час. 1918. 4 янв. № 3. С. 2.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 53. Л. 1.

¹⁶ См.: Вольная философская ассоциация: 1919—1924. С. 124—125. Ср. также: *Lampf H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello* // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. I. S. 155—194.

¹⁷ *Lampf H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello*. S. 186—187 (сноска 29).

¹⁸ *Ibid.* S. 160.

¹⁹ В действительности эта мигрирующая по текстам ошибка восходит к статье А. М. Грачевой, где указанное письмо датируется 1 января. См.: *Грачева А. М.* «Слово о погибели русской земли» А. М. Ремизова и его критик — Иванов-Разумник // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Вып. 2. С. 206. См. также комментарий А. М. Грачевой к тексту первой публикации «Слова»: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 610. Ошибочная датировка также повторена в книге Я. В. Леонтьева «„Скифы“ русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики» на С. 231 (с указанием на первую публикацию А. М. Грачевой).

ждает гипотезу Я. В. Леонтьева и полностью соответствует предположению А. В. Лаврова о вероятном авторстве З. Н. Гиппиус.²⁰

Возможно, не стоило бы занимать печатные страницы профессионального журнала лишь ради того, чтобы указать на упущения в построении версий об авторстве «Подкальвателя». Куда более важно восстановить последовательно ход истории, которая, начинаясь задолго до появления в печати «Слова», имела продолжение и после публикации памфлета Гиппиус. Такая реконструкция призвана продемонстрировать взаимосвязь всех текстов, оказавшихся в орбите данного сюжета, с конкретным историческим контекстом.

Несмотря на обширную библиографию, касающуюся ремизовской поэмы, в советской истории литературы утвердился стереотип, будто «Слово» напрямую обусловлено большевистской революцией. Отчасти это объясняется самим моментом появления первой и второй печатных редакций текста: начало декабря 1917 года — в «Воле Вольной»;²¹ середина декабря 1917 года — в «Скифах».²² Между тем, по справедливому замечанию М. В. Козьменко, поэма, написанная «до Октября», «отражает настроения другого времени».²³

Для писателя с начала 1917 года практически каждый месяц становился «другим временем» по отношению к предшествующим периодам переполненной событиями жизни. Весна была напитана настроениями грядущих перемен. В романе-хронике «Взвихрённая Русь» Ремизов вспоминал встречу Пасхи (2 апреля) вместе с Пришвиным и Ивановым-Разумником: «...за этот месяц уж чувствовалось, что дальше так продолжаться не может, и можно на все решиться, только бы перемена и, чтобы ни произошло, все будет лучше — ». Особенно остро ощущал веяние нового времени Иванов-Разумник, буквально опьяненный предчувствием надвигающихся революционных потрясений и уже тогда «твердивший» о «скифском вихре», «танце бурь» — «танце революции».²⁴ На фоне практически всеобщей эйфории и растущей общественной активности интеллигенции Ремизов осознанно устранился от участия в политической жизни. В его дневнике позиция наблюдателя выразилась в самоопределении: «Нет, я не политик».²⁵

Проходит совсем немного времени, и именно политика, судя по дневниковым записям, оказывается в центре постоянного внимания Ремизова. В его сознании начинает доминировать критический взгляд на настоящее и, — как бы это не каза-

²⁰ Показательно, что Е. В. Иванова, критикуя версию Я. В. Леонтьева, интерпретирует положительную реакцию А. В. Лаврова в прямо противоположном смысле: «...предположение лишено аргументации и не представляется сколько-нибудь убедительным, на что указал А. В. Лавров в рецензии на эту работу Я. В. Леонтьева...» (Вольная философская ассоциация. С. 125).

²¹ Россия в Слове. Литературное приложение к газете «Воля Народа». 1917. № 1. [1 декабря]. С. 2; под названием «Слово о погибели земли русской». Такая датировка обусловлена объявлением, помещенным в «Воле Страны» (1918. 20 января. № 5. С. 1): «С 1 декабря 1917 г. при газете выходит еженедельное литературное приложение «Россия в Слове» под редакцией М. М. Пришвина...». Существует также анонс, опубликованный в номере от 26 ноября, о том, что «Россия в Слове» впервые выйдет из печати 28 ноября (Воля Вольная. 1917. № 1. С. 1). О разночтениях в установлении даты первой публикации «Слова» см.: *Иезуитова Л. А.* «Слово о погибели земли русской» А. Ремизова в газете «Воля Народа» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. С. 67—80; *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 154—155; а также наши примечания в публикации: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатиной // Русская литература. 1995. № 3. С. 201.

²² Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 194—200; под названием «Слово о погибели Русской Земли». Книга вышла из печати между 14 и 20 декабря 1917 года.

²³ *Козьменко М. В.* «Я писал всегда врозь с темой дня...» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 225.

²⁴ *Ремизов А. М.* Взвихрённая Русь. С. 58.

²⁵ *Ремизов А. М.* Дневник 1917—1921 гг. / Подг. текста и комм. А. М. Грачевой // Там же. С. 430; запись между 3 и 8 марта.

лось алогичным в случае писателя-модерниста, юность которого прошла в среде социал-демократов, — отражающий отнюдь не прогрессистское, а консервативное умонастроение. Уже в начале июля в оценках действительности он прибегает к историческим аналогиям со Смутным временем: «если Ленин это Болотников, то Блейхман (булочник анархист) это атаман Хлопок, для к(отор)ого разбой — социальный протест».²⁶ Не только самозванцы-политики, «узость и замкнутость партий»,²⁷ но и самосознание народа — неизменно рабское (вероломное и темное) вызывают в нем самые тягостные предчувствия: «...подъяремные рабы рабами и остаются. Откуда же рабу и измениться».²⁸ Эти наблюдения формируют глубоко пессимистический вывод: «тушинцы, увлекая за собой чернь пряниками, сотрут нас».²⁹

Полагаясь на дневник и расположение глав в романе «Взвихрённая Русь», построенном как хроника революционных лет (поэма включена в состав главы «Москва»), можно с уверенностью сказать, что в истории создания «Слова» решающую роль сыграла всенощная в Успенском соборе Кремля с 21 на 22 июля.³⁰ Глубокое духовное потрясение, пережитое Ремизовым во время службы, послужило импульсом к созданию эпического по своему звучанию произведения, направленного в защиту традиции русской государственности. Местом рождения поэмы, эпохальной и в личной биографии писателя, и в русской литературе революционного периода, не случайно стало сердце русского тысячелетнего государства — главный московский топос, символически соединивший в себе идеи православного государства и народного единства.

О работе над «Словом о погибели Русской Земли» свидетельствует вариант зачина пятой части («Русский народ, что ты сделал?»), запечатлевшийся в дневниковой записи от 6 сентября. Вскоре после возвращения в Петроград из летней поездки Ремизов вновь встретился со своими литературными друзьями. 15 сентября он записал в дневнике: «Россия гибнет от хулиганства. Вечером приходили Разумник и Пришвин³¹ (...) А вихрь выше поднимается. И будет кружиться, темный».³² По всей вероятности, к этому времени писатель уже имел возможность познакомиться с содержанием первого номера альманаха «Скифы», открывавшегося «скифским манифестом».³³ Подписанный обобщающим псевдонимом «Скифы» текст декларировал «вечную вражду» и «смертную борьбу» между революционером, «вольным» и «державным» как в творчестве, так и в разрушении, и «бескрылым» реакционером.³⁴

Мировоззренческая дилемма ставила Ремизова перед необходимостью самоопределения. С одной стороны, он числился одним из авторов идейного сборника

²⁶ Там же. С. 442.

²⁷ Там же. С. 468.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 448.

³⁰ См.: Там же. С. 469.

³¹ Очевидно, в ходе этого разговора обнажились серьезные идейные и политические разногласия между литераторами, в первую очередь между Ивановым-Разумником и Пришвиным. Ср. дневниковую запись Пришвина от 14 сентября 1917 года: «Всюду люди ссорятся, разрываются многолетние связи. События велики, но чем они больше, тем причины ссор меньше. Так и быть должно, потому что становится жить под нависшей тяжестью все теснее и теснее. Так мы разошлись с Разумником... из-за чего? Я сказал ему, что не могу подписывать свое имя в Черниговской газете и прошу рассказ мой разобрать. Он говорит, что разобрать нельзя, потому что он сверстан. Тогда я изменяю заглавие рассказа и подписываю другим именем. Рассказ, однако, за моей спиной восстанавливается и печатается за моей подписью. Сущие пустяки, но отношения разрываются» (*Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917 / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; комм. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб., 2007. С. 507—508.*)

³² *Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. С. 479.*

³³ См.: «„Скифы“ (Вместо предисловия)» // *Скифы. Пг., 1917. Сб. 1. С. VII—XII.*

³⁴ *Скифы. Сб. 1. С. XI.* Первая часть статьи была написана С. Д. Мстиславским, а вторая — Ивановым-Разумником. См. также: *Белоус В. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. 1919—1924. М., 2005. Кн. 1: Предыстория. Заседания. С. 19—28.*

ка,³⁵ с другой — его собственная консервативная позиция полностью противоречила революционаристским интенциям Иванова-Разумника и настроению большинства других авторов. Когнитивный диссонанс прогрессировал на фоне внезапно сразившей писателя тяжелой болезни, от которой он оправился только 3 октября. «За неделю, как я поднялся, — вспоминал Ремизов во «Взвихрённой Руси», — я написал (...) мою память о снах и видениях за болезнь „огневицу” и „вечную память” — слово мое, переговоренное „без слов” тогда еще там ночью в Кремле после всенощной».³⁶

От множества публицистических текстов революционной эпохи ремизовское «Слово» отличает отсутствие каких-либо примет современности. Индивидуальная философия художника, переживающего эпоху перемен как трагический конец истории, достигает в нем своих высших форм. «Слово о гибели Русской Земли» — это критический взгляд на настоящее из прошлого, полностью исключающий хотя бы малейшую временную перспективу. Ремизов защищает здесь традицию, отображая ее в идеальной формуле старого порядка: «На трех китах жила земля. Был беспорядок, но и был устой: купцы торговали, земледельцы обрабатывали землю, солдаты сражались, фабричные работали».³⁷ Основанные на вере устои разрушались «человекоборцами безбожными», «вождями народными»: руководствуясь любовью «своей к человечеству», они «по кусочками вырывали веру» и «не заметили, что с верою гибла сама русская жизнь».³⁸ Многочисленные исторические аллюзии сменяются видениями апокалиптического звучания: «И время пропало, нет его, кончилось время (...) Тьма вверху и внизу. / И свилось небо как свиток. / И нету Бога. / Скрылся Он в свитке со звездами и с солнцем и луною. Черная бездна разверзлась вверху и внизу».³⁹ Революционный путь, лишенный будущего, по мысли Ремизова, завершается эсхатологическим финалом.

В контексте биографии писателя «Слово о гибели Русской Земли» неразрывно связано с другой поэмой, написанной также в первую декаду октября. «Огневица» отражает хронотоп внутренней жизни человека, для которого трагический экзистенциальный кризис разрешается обретением новых мировоззренческих опор. Представляя себя «земным», хтоническим несчастным существом, Ремизов заявляет о «неспособности» приобщиться к «крылатым» революционерам. Антиномия «земляное» (бескрылое) — «небесное» (крылатое) наполнена в «Огневице» полемическим подтекстом, обращенным против философии духовного революционаризма, пренебрегающего страданиями земного человека ради идеала «Града Небесного».⁴⁰ Очевидно, что эта интенция напрямую адресовалась Иванову-Разумнику, который на страницах поэмы изображен человеком, потерявшим чувство реальности, одержимым «скифской» идеей преображения мира: «А Разумник с пудовым портфелем, как бесноватый из Симонова монастыря. — Это вихрь, — говорит он, — на Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль, в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья...».⁴¹

³⁵ В составе первого сборника «Скифы» (вышел в августе) была опубликована пьеса Ремизова «Ясня. Русалия в 3-х действиях».

³⁶ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 171. В книге А. Ремизова «Огненная Россия» (Ревель, 1921) «Слово о гибели Русской Земли» датировано 5 октября, а «Огневица» — 10 октября 1917 года.

³⁷ Ремизов А. Слово о гибели Русской Земли // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 199.

³⁸ Там же. С. 195.

³⁹ Там же. С. 198.

⁴⁰ Подробнее см.: Обатнина Е. «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. С. 484—495; Обатнина Е. Рождение Души Самосознающей: Андрей Белый и А. М. Ремизов // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011. С. 583—593.

⁴¹ Дело народа. 1917. 22 окт. № 187. Иванов-Разумник навещал больного писателя 25 сентября. См.: Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. С. 481.

Идеологическое самоопределение писателя в тот момент еще не переросло в конфликт с редактором «Скифов». Более того, именно Иванову-Разумнику Ремизов в один из дней второй декады октября отдает для публикации рукописи обеих поэм.⁴² Этот жест можно интерпретировать как чисто прагматический: количество изданий катастрофически сокращалось. Однако, учитывая содержание каждого из текстов, нельзя не отметить очевидную готовность автора вступить в публичную полемику со своими идейными оппонентами. Первой вышла «Огневица»: три первые части (с указанием «окончание следует») увидели свет 22 октября в последнем выпуске литературного приложения к газете «Дело Народа» — «Литература и Революция», которое редактировал Иванов-Разумник.

Художественное и идейное содержание «Слова» предопределило его публикацию в «Скифах». Объявления о подписке на второй выпуск сборника, помещенные в воскресных номерах «Дела Народа» начиная с 10 сентября 1917 года по 1 октября, информировали о сроке выхода книги — 1 ноября. Среди предполагаемых авторов имя Ремизова не упоминалось. Однако в начале ноября вторые «Скифы» так и не вышли в свет. Возможно, на задержку выпуска альманаха повлияли не только известные политические события, но и появление в редакционном портфеле нового, крайне важного для составителя сборника материала. 9 ноября в письме Андрею Белому Иванов-Разумник информировал своего соредатора о намерении расширить состав сборника: «Ремизов — „Слово о гибели Русской Земли” — вещь совершенно удивительная по силе и глубоко мне по духу враждебная. О ней — статья моя „Две России”, непосредственно за ней следующая. И „Слово” и статью на днях пришлю в гранках и буду ждать ответа. Мое мнение — именно в „Скифах” надо напечатать это великолепное „Слово”, глубоко *реакционное* не по внешности, по глубокой внутренней сущности».⁴³ При всем категорическом неприятии идеологии «Слова» Иванов-Разумник не мог не признать высокое художественное достоинство текста и предельную степень авторского самовыражения: «...это не только „литература”, а и большой силы „человеческий документ”».⁴⁴ В конце первой декады ноября «Слово» и «Две России» были отданы в производство.⁴⁵

Хотя критическая статья датирована «ноябрем», из упомянутого письма к Андрею Белому следует, что «Две России» были написаны уже к началу месяца. Соответственно, основной корпус текста формировался в последнюю декаду октября — до и непосредственно после большевистского переворота.⁴⁶ Для адекватного прочтения «Двух Россий» следует учитывать то обстоятельство, что критик и редактор «Скифов», исповедовавший народническую идеологию, никогда не был поклонником русского марксизма и большевизма. По горячим следам восстания большевиков он опубликовал в газете «Знамя Труда» статью «Свое лицо»,⁴⁷ в которой охарактеризовал власть «победителей» как власть внутреннего и внешнего террора. Однако, не разделяя их методов, он призывал не отказываться от продолжения революционных действий, предлагая «отмежеваться на обе стороны» — не только от победителей, но и от их политических противников.

⁴² Этот период не охвачен дневниками Ремизова, поэтому установить более точную дату не представляется возможным.

⁴³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 138—139.

⁴⁴ Скифы. Сб. 2. С. 207.

⁴⁵ Ср. письмо Иванова-Разумника Андрею Белому от 9 ноября: «Второй „Скиф” верстается» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 138).

⁴⁶ По пометам Иванова-Разумника в наборной рукописи статьи (сохранилась без окончания) ясно, что основной текст был буквально перед версткой дополнен большим количеством цитат из ремизовской поэмы, а также двумя эпиграфами — строфами из стихотворений Андрея Белого и С. Есенина (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 48).

⁴⁷ Знамя Труда. 1917. 28 окт. № 56. С. 1—2.

Свершившаяся в Феврале революция представлялась Иванову-Разумнику в тот исторический момент «крестным путем», «Голгофой».⁴⁸ Политические события служили редактору «Скифов» подтверждением идеи формирования новой, «скифской» силы, вставшей на крестной путь ради будущего — духовной революции, освобождающей человека от предрассудков прошлого. Следуя схеме, восходящей к «Истории русской общественной мысли» (1906), Иванов-Разумник разделял писателей по принципу противостояния «скифского» максимализма «всесветному Мещанину».⁴⁹ Для усиления антитезы «нового» и «старого» он использовал метафорическое сравнение «крылатых», способных к бесстрашному полету в будущее через пропасть, с «бескрылыми» мещанами, чуждыми бесстрашному подвигу ради новой жизни. «Разделилась от огненного вихря сама на себя Россия и вот две России перед нами. Политически, социально, духовно — на два стана делится она и сметает с пути все промежуточное, дряблкое, примиренческое, соглашательское (...) Былые наши мистики и эсхатологи от интеллигенции — Бердяевы, Булгаковы, Мережковские и подобные им — все оказались теперь на той же стороне провала, где и злейшие их бывшие враги, а ныне союзники: все умеренные и аккуратные мещане от социализма, все благоразумные и кабинетные государственники от „буржуазии“. И тут же с ними — рачители „Святой Руси“, о себе служащие паникиды».⁵⁰

Главная цель статьи «Две России» очевидна: на примере ремизовского «Слова» объективировать мировоззрение интеллигенции, которая в представлении критика застряла на краю пропасти, разделяющей старую и новую Россию. Именно благодаря такой интерпретации ремизовская поэма приобрела ярлык «анафемы русской революции» — как произведение, пропитанное реакционной идеологией, чуждой любому преобразованию. Развивая идею о революционной ментальности передовой группы литераторов (Андрея Белого, Н. Клюева, С. Есенина), Иванов-Разумник тенденциозно приписывал автору «Слова о погибели Русской Земли» апологию «самодержавия», «православия», «народности».⁵¹ В изображении критика консерватор Ремизов, душой болеющий за разрыв исторической традиции и предательство русским народом своих исконных идеалов, превращался в реакционера, во враждебного «всякой революции» «ветхозаветного» старовера: «...он, духовно крылатый, льет здесь воду на мельницу бескрылых людей (...) он, взыскующий Града Небесного, предает здесь высшие свои и человеческие ценности той самой „обезьяне“, о которой так много и так беспощадно сам же он писал».⁵²

Иванов-Разумник доводил мысли Ремизова до обобщенных логических выводов, абсурдных своей противоположностью. Критик, безусловно, не мог обойти пассаж, адресованный ему лично из «Огневицы». Однако ремизовская ирония по поводу «скифской» апологии революционной стихии в его изображении превращалась в откровенную злобу: «Враждебен ему (Ремизову. — Е. О.) этот вихрь — старые, староверские, исконные, дедовские, любимые ценности сметает вихрь этот; и видит он в нем только сор, только пыль, только смрад — и не видит он испепеляющего огня, не видит весенних семян. Ржавь душит его. О пыли, о соре, о смраде и написано все „Слово о погибели Русской Земли“».⁵³ Мифологический образ «трех китов», на которых покоилась русская земля, критик интерпретировал как идео-

⁴⁸ Ср. интерпретацию Ивановым-Разумником поэмы С. Есенина «Пришествие»: «В ней есть чудесные места, некоторые я твержу уже несколько дней. И снова революция, как Крестный путь, как Голгофа» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 138, письмо от 9 ноября 1917).

⁴⁹ Скифы. Сб. 2. С. 226.

⁵⁰ Там же. С. 228.

⁵¹ Там же. С. 209.

⁵² Там же. С. 207—208.

⁵³ Там же. С. 208.

логему, отождествляя ее с уваровской формулой. Ремизов, упоминая «безумного ездока» Петра, который «сокрушил старую Русь», прямо говорил о том, что тот же самый персонаж «подымет и новую» Русь, «новую и свободную из пропада», более того, обращаясь к русскому народу, он призывал его верить в этот «Светлый день». ⁵⁴ Иванов-Разумник, наоборот, приписывал веру только себе и своим единомышленникам, но отнюдь не оппоненту: «Да, такова вера наша — но не Ремизова; бессилен его голос, сам же он заглушает его своим плачем, своими проклятиями». ⁵⁵

Критик вполне отдавал себе отчет в том, что ремизовское «Слово» будет использовано как аргумент в политической борьбе: «Слово это идет к нам с „этой“ стороны, с „этого“ берега пропасти, где плотно затерт автор его в толпе озлобленных и перепуганных революцией всесветных мещан. И с какой же радостью, с каким восторженным „обезьяним гиком“ встретят они это „Слово“, где в крестную могилу преданной мещанами революции он так рачительно вбивает осиноный кол!» ⁵⁶ Действительно, пока «Слово о гибели Русской Земли» готовилось к выпуску в «Скифах», текст поэмы увидел свет в литературном приложении «Россия в Слове» под редакцией М. М. Пришвина к газете, долгое время выходившей под названием «Воля Народа». ⁵⁷

Пришвин являлся постоянным автором этой «литературно-политической ежедневной газеты, издаваемой под редакцией членов партии социалистов-революционеров». Его умонастроения вполне характеризуют статьи, почти ежедневно выходившие осенью 1917 года на страницах печатного органа, активно противостоявшего большевикам. Одна из них, посвященная извигам русской революции, была написана после Октябрьского переворота и, очевидно, не без влияния ремизовского «Слова»: «...вдруг французская пьеса превратилась в русскую мистерию о происхождении человека от обезьяны, страшную и невиданную миром мистерию, где на тропах сидят обезьяны, а души усопших по черным улицам вихрем носятся в красных гробах». ⁵⁸ Нельзя исключить, что, иницируя выпуск «России в Слове», Пришвин выстраивал новое издание и, соответственно, объединение литераторов как альтернативу разумниковскому приложению к газете «Дело Народа» — «Литература и Революция».

После «торжества победителей» ⁵⁹ ремизовское «Слово» оказалось как никогда кстати. Большевики не церемонились не только с буржуазными, но и оппозиционными социалистическими партиями. Захватив власть, они приступили к последовательному устранению с политической авансцены своих основных оппонентов. Одним из таких шагов стало насильственное закрытие «Воли Народа», произошедшее в ночь с 25 на 26 ноября. Газета возобновила выпуски только под измененным названием — «Воля Вольная». В номере от 26 ноября, после месячного перерыва,

⁵⁴ Там же. С. 199.

⁵⁵ Там же. С. 213.

⁵⁶ Там же. С. 207.

⁵⁷ Впервые выпуск литературного приложения к газете «Воля Народа» «Россия в Слове» под редакцией М. М. Пришвина был анонсирован 26 октября (№ 154. С. 1). Среди предполагаемых участников числились Е. В. Аничков, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, Ю. Н. Верховский, Вяч. И. Иванов, М. М. Исаев, А. М. Ремизов, И. Соколов-Микитов, В. Я. Шишков, гр. А. Н. Толстой, однако содержание редакционного портфеля не конкретизировалось. В рекламе литературного приложения, опубликованной 20 января 1918 года (Воля Страны. № 5. С. 1), вместо Балтрушайтиса, Бальмонта, Иванова, Толстого назывались имена А. А. Блока, В. Пяста, Г. Маслова, А. А. Ахматовой, Д. А. Крючкова, Е. Г. Лундберга.

⁵⁸ Пришвин М. Красный гроб (Слово о том, как доказала Россия, что человек действительно происходит от обезьяны) // Воля Народа. 1917. 5 ноября. № 164. С. 1. Ср. также: «...из русского человека, природу которого во всем мире считали за мягкую, женственную, вышла Горилла» (Пришвин М. Ключ и замок (из дневника) // Там же. 9 ноября. № 167. С. 1).

⁵⁹ Название стихотворения В. А. Жуковского («Пал Приамов град священный...»), обыгрываемое, в частности, в заголовке обзора печати в газете «Воля Народа» (1917. 30 окт. № 158. С. 1—2).

на первой полосе вновь был опубликован анонс «России в Слове» (и объявлена дата его выхода — 28 ноября), где среди намеченных к публикации литературных материалов значилось и «Слово о погибели русской земли» А. М. Ремизова.⁶⁰ Когда «Слово» вышло из печати, исторический по своему внутреннему содержанию текст приобрел дополнительное значение политического документа. Случилось это не только благодаря стратегии редактора литературного отдела, настроенного антибольшевистски, но и вследствие объективных исторических обстоятельств. Правда, могла быть еще одна, собственно литературная, причина публикации ремизовского «Слова» в «Воле Народа». Дело в том, что 21 ноября на страницах газеты «Знамя Труда» вышла статья Иванова-Разумника «Два стана» (представленная здесь как отрывок из статьи «Две России»), в которой к так называемым «людям прошлого» причислялся и «крупный художник слова, скорбящий за старое, негодующий на новое, хотя и ненавидящий все мещанское».⁶¹ Хотя имя писателя и не называлось, знающие ситуацию коллеги и близкие без труда могли угадать в нем Ремизова.

Первая печатная редакция поэмы содержит по сравнению с каноническим текстом ряд разночтений.⁶² Отметим наиболее существенные (выделив отсутствующие в «Скифах» слова курсивом): «Ныне с посулом счастья в сердцевине подточилась Русь»; «Русский народ, что ты сделал? Искал свое счастье — *горемыка, счастьем ли живы люди?* — и вот все потерял»; «Русь моя, земля русская, родина беззащитная, обеспокоженная кровью братских полей, *войной и голодом, своими каинами, только бесталанными, только бесславными, только безымянными — нет им дела до тебя!* — подожжена *горишь!*»; «Остановитесь же, вымойте руки, — они в крови, и лицо — оно в дыму пороха. *И никто не хочет посмотреть в глаза друг другу, в которых написана смерть!*»; «Лечу в запредельности. Отказаться от жизни осязаемой, пуститься в мир воздушный, *лететь? А крыльев нет!*».⁶³ Здесь и тема «счастья» как квинтэссенция революционаристской идеологической парадигмы; и тема «каинов», далеко выходящая за пределы упоминаемого здесь же «Ваньки-Каина» (обе они получают развитие в других ремизовских поэмах — «Заповедное слово русскому народу»⁶⁴ и «Золотое подорожие. Электрумные пластинки»⁶⁵); и тема братской, гражданской, войны, которую несет с собой революция; и, наконец, тема «крыльев», причем именно в этой редакции Ремизов очевидно противопоставляет свою точку зрения позиции Иванова-Разумника. Очевидно, все эти фразы и предложения были специально включены в первую печатную редакцию для газетного издания: разночтения усиливают «антискифскую» направленность «Слова».

Тем не менее нельзя не признать, что ни публикация поэмы в издании правых эсеров, ни выход критического «послесловия» Иванова-Разумника принципиальным образом не повлияли на взаимоотношения писателя и критика. В издательстве «Скифы» готовилась ремизовская книга «Русские женщины».⁶⁶ В рождественском номере «Знамени Труда» Ивановым-Разумником был опубликован обширный литературный отдел, куда вошли извлеченные из вторых «Скифов» небольшой от-

⁶⁰ См.: Воля Вольная. 1917. 26 ноября. № 1. С. 1.

⁶¹ Знамя Труда. 1917. 21 ноября. № 77. С. 2.

⁶² До сих пор исследователи проходили мимо сравнительного анализа двух редакций, констатируя наличие лишь незначительных разночтений стилистического и пунктуационного характера. См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 609—610 (комм. А. М. Грачевой).

⁶³ Россия в Слове. 1917. [1 декабря. № 1]. С. 2.

⁶⁴ Россия в Слове. Еженедельник газеты «Воля Народа». 1918. 12 апр. № 1. С. 17—19. См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 413—420.

⁶⁵ Наш век. 1918. 4 мая. № 89. С. 4. Подробнее см.: Обатнина Е. Р. «Золотое подорожие» А. М. Ремизова: текст и контекст // Русская литература. 2007. № 4. С. 89—105.

⁶⁶ 20 января 1918 года Иванов-Разумник отправил Ремизову письмо, сопровождавшее корректуру сборника сказок «Русские женщины». См.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944). С. 95. Книга вышла в свет 1 июня 1918 года.

рывок из «Двух Россий», посвященный Февральской революции — «О мире всего мира», и отрывок из рассказа Ремизова «Gloria in excelsis» под заголовком «На земле мир».⁶⁷ Радикальным образом ситуация изменилась только в самом начале 1918 года.

Вытравливание большевиками (на этот раз вместе с вступившими с ними в коалицию левыми эсерами) правых эсеров получило продолжение. 2 января днем была арестована в полном составе редакционная коллегия бывшей «Воли Народа» и в соответствии с распоряжением Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем заключена в пересыльную тюрьму. Среди арестованных оказался и М. М. Пришвин. Его дневник содержит подробное описание двухнедельного пребывания за решеткой.⁶⁸ Об аресте и заключении Пришвин смог написать Ремизову 3 января 1918 года. Письмо, в частности, содержит реплику, адресованную Иванову-Разумнику: «Если увидите Разум(ника) Вас(ильевича), то поклонитесь ему и скажите, что мои слова сбылись, я говорил ему: я — не действую в политике и непременно попадусь, а он действует и хочет попасть, но не попадет. А значит, за мной и правды больше».⁶⁹

О том, что именно арест Пришвина послужил основной причиной для решительного выяснения накопившихся идейных и человеческих разногласий между писателем и критиком, свидетельствует запись в ремизовском дневнике, помеченная просто обозначением месяца: «I. 1918. Костры заволжские — самосожжения — от Аввакума возродили Пушкина и Достоевского. Сила духа старой Руси сожигающей(ся) перешла в Пушкина и Достоевского. Был Разумник — битва под Разумником. Вчера арестовали Пришв(ина)».⁷⁰ Вполне вероятно, что весть о заключении Пришвина в тюрьму Ремизову принес сам критик, который навестил писателя 3 января.⁷¹ Предваряющий запись о визите текст напрямую относится к содержанию их разговора и характеризует позицию писателя в ответ на критику «Слова» — не только стоять на своем, но и видеть в сохранении традиции возможность духовного возрождения будущего.

Все дни, когда Пришвин находился в тюрьме, Ремизов не только вел нелицеприятные беседы с бывшими коллегами по «Скифам» и их единомышленниками — С. Д. Мстиславским, А. А. Блоком, К. С. Петровым-Водкиным,⁷² но и продолжал внутреннюю полемику с «предводителем скифов».⁷³ 9 января после известия об убийстве Шингарева и Кокوشкина писатель оставил в дневнике следующую запись: «Европа! Старая Европа первая же расплывается с нами за то, что нет самой и

⁶⁷ Знамя Труда. 1917. 28 дек. № 105. С. 2—3. Примечательно, что в тот же день «Воля Страны» опубликовала другой текст Ремизова — «Заяц благодетель (Тибетская сказка)» (№ 12. С. 2).

⁶⁸ «Тюремный дневник», фиксирующий обстоятельства ареста и условия заключения в пересыльной тюрьме, см.: Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919 / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной. Комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2008. С. 5—27. В конце января Пришвин опубликовал в «Воле Страны» цикл очерков, посвященных своему тюремному опыту: «Освобождение Пришвина», «Капитан Аки», «Станок соглашений», «Суд есть сила греха». См.: Пришвин М. М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906—1924 годов / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. В. А. Фатеева. СПб., 2004. С. 156—161.

⁶⁹ Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 198. Письмо (в соответствии с пометой Ремизова) было получено 4 января в 8 вечера.

⁷⁰ Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. С. 488.

⁷¹ В данном случае также имеет место неточная датировка этого события: А. М. Грачева относит эту запись к 1 января, что прямо противоречит тексту опубликованного ею же дневника писателя.

⁷² Ср. записи 9 и 11 января: «Разговор с Блоком о музыке и как надо идти против себя (...). Разговор с Сер(геем) Дмитр(иевичем) Мстиславски(м) о Пришвине (...) Вчера была битва (?) под Петров(ым)-Водкин(ым)» (Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. С. 490).

⁷³ Этими словами П. Губер озаглавил статью, посвященную Иванову-Разумнику, опубликованную в газете «Наш век» (1918. 17 февр. № 27. С. 5) под псевдонимом П. Арзубьев.

первобытной чести. Россия, хочешь осчастливить Европу, хочешь поднять бурю и смести на западе всякие вежи старой жизни. И если так было бы, я не хочу твоего цветущего сада, который насадили окровавленные руки (...) Голгофа! Понимаете ли вы, что значит Голгофа? Голгофа свою проливает кровь, а не расстреливает друг(о)». ⁷⁴ Спустя еще два дня в дневнике появляется запись: «ликвидация с Разум(иковским) „Знаменем”». ⁷⁵ Вероятнее всего, это была реакция писателя на упоминание его фамилии в анонсе литературного приложения под редакцией Иванова-Разумника к газете «Знамя Труда» — органу Центрального комитета Партии левых социалистов-революционеров, которая в этот момент составляла вместе с большевиками коалиционное правительство. ⁷⁶

В середине января Ремизов получил неожиданную поддержку со стороны З. Н. Гиппиус. О политической мотивированности этого жеста свидетельствует первоначальная реакция Гиппиус на «Слово о гибели Русской Земли», о которой можно судить по косвенному источнику — цитированному выше письму Иванова-Разумника к Белому от 9 ноября 1917 года: «З. Н. Гиппиус отказалась напечатать это „Слово” в предполагавшейся Савинковской газете, ⁷⁷ заявляя, что „Слово” это „слишком черносотенно”...». ⁷⁸ Вряд ли этот тезис был измышлением Иванова-Разумника, который мог знать о реакции Гиппиус только от самого Ремизова. Очевидно, на тот момент нравственно-философское содержание поэмы оставалось для поэтессы или закрытым, или неактуальным. Публикация в «Скифах» резко изменила ее первоначальные оценки. 15 января Гиппиус направила Ремизову письмо, за которым последовали уже известные практические действия: «Дорогой Алексей Михайлович. То, что сделал с вами Ив(анов-)Р(азумник) — последнее похабство. Я только что увидела „Ск(ифы)” считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил. Кроме того, и сама по себе его статья столь кощунственно-грязна, что ее трудно держать в руках. Когда я видела С(ерафиму) П(авловну), я еще фактического ничего не знала. Хотя внутренне все это не лишено логики. Смердяковы только верны себе. Не забывайте, что лакеи — хуже своих господ. Я напишу об этой мерзости в Аргус. Длинная история, но больше физически негде. Предлагаю вам тоже для отповеди эти страницы. Умоляю вас быть с лакеями *точно* в тех же отношениях, как С(ерафима) П(авловна). Ее целую крепко, вам низко кланяюсь». ⁷⁹

Выход Пришвина из тюрьмы 17 января, возобновление выпуска газеты оказались спаяны прямой причинно-следственной связью с появлением в печати «Подкальвателя». Если сторонившийся политики, но сотрудничавший с правыми эсерами Пришвин, как и Ремизов, публиковавшиеся в изданиях разного идеологического толка — от «Народоправства» до «Знамени Труда», явно не желали признавать степени политической ангажированности, то для Гиппиус в этом вопросе

⁷⁴ Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. С. 490.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Рассказ Ремизова «Хождение по ратным мукам» анонсировался в рекламе литературного отдела на первой полосе газеты с 30 декабря 1917 года по 7 января 1918 года.

⁷⁷ Речь идет о несостоявшемся замысле издания газеты под названием «Час». Ср. мнение об этом проекте М. Пришвина: «Охранительный человек Д. В. Философов смутил меня предложением войти в новую газету Савинкова „Час”. Савинков один из зачинателей того, что называется Корниловщина: Корнилов, Савинков, Х., У., — это не Наполеон, а ряд индивидуальностей, прорывающим там и тут сито демократии. Не случайно в газете принимают участие старые закоренелые индивидуалисты-аристократы от литературы — Мережковский, Гиппиус. Это все революционеры-индивидуалисты, ищущие соборности через отечество Града Невидимого. Их, конечно, с первых же шагов олепят мухи старого мира. Это будет очень интересная газета, и пугает только скандальность Савинкова — заведет черт знает куда бедного Дмитрия Сергеевича» (Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. С. 520—521). О газете Б. В. Савинкова см. также комментарий в кн.: Андрей Белый и Иванов Разумник: Переписка. С. 141.

⁷⁸ Там же. С. 139.

⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 53.

не было альтернатив. И поэзия, и публицистика Гиппиус революционных лет вообще отличалась темпераментностью и прямолинейностью оценок.⁸⁰ Политическая составляющая ее мировоззренческой позиции приобретала вес с геометрической прогрессией в зависимости от развития революционных событий, перевернувших в Октябре все возможные стратегические планы и надежды.

Горячее убеждение Гиппиус в том, что в такое время для людей творческого труда аполитичность является недопустимой гражданской безответственностью, открыто прозвучало в статье «Литературный фельетон».⁸¹ Представители творческой интеллигенции, обвинялись здесь в устранении от политической жизни, в утрате «свойств обыкновенного культурного человека». Не избегая резких характеристик в отношении к реальным лицам (П. В. Орешину, А. Бенуа, А. Блоку, Андрею Белому, О. Брику, С. Д. Мстиславскому, Иванову-Разумнику, М. Горькому, Л. Андрееву), Гиппиус так построила свое сопоставление с настоящими «людьми» великих эпох, что антоним «нелюди» как дефиниция конкретных современников сам напрашивался из поставленного в статье вопроса: «У нас „политика“, недостойная внимания поэта! Ах, вот как! Но Ламаргин немножко иначе рассуждал, иначе вел себя в 48 году, чем наши „великие и малые“; он не плел безответственную меледу и под сень струй или снегов не удалялся. Он работал почище Керенского в лучший его период. Да и Жорж Занд перо свое не романами занимала в то время. Потому что это были *люди*... А вы... кто вы. Русские болтуны, в тогах на немом теле? И на что вы России?»⁸² Безответственной называла Гиппиус, в частности, деятельность Андрея Белого в альманахе «Скифы», считая, что художник в обстоятельствах нового времени и условиях жесточайшей борьбы за власть не имеет морального права не отдавать себе отчет, в каком политическом органе он сотрудничает: «...почти гениальный писатель — Андрей Белый. Этот 23 октября еще составлял сборник „Скифы“ с Мстиславским и Разумником... „Художественным отделом только заведу“... Невинен, как дикарь».⁸³

Вот почему Гиппиус более всего интересовала политическая валентность «Слова», значимая в свете разрабатываемой в кругу Мережковских антибольшевистской стратегии. «Подкалыватель» создавался в тот исторический момент, когда политическая деятельность оппозиционных партий была прекращена, а большевики вместе партией левых эсеров уверенно руководили страной. Судя по дневнику, Гиппиус в середине января была убеждена в том, что новая власть вряд ли продержится хоть сколько-нибудь долго: срок размером в год представлялся ей гиперболическим. Тем не менее, как «дальновидный» политик, она составляла «проскрипционные списки» и считала необходимым выступать с политическими инвективами. В начале 1918 года Гиппиус принялась за составление так называемого списка «за упокой». 11 января в дневнике она выделила имена «интеллигентов-перебежчиков» — «тех бывших людей, которых все мы более или менее знали и которые уже оказываются в связях с сегодняшними преступниками. Не сомневаюсь, что просиди большевики год (!), почти вся наша хлипкая, особенно литературная интеллигенция, так или иначе поползет к ним <...> Но что гадать в разные стороны. Важны сегодняшние, первенские, побежавшие сразу за колесницей победителей. Ринувшиеся туда... не по убеждениям (какие убеждения!), а ради выгоды, ради моды <...> Вот этих первенских, тепленьких и запишем <...> не по алфавиту, а как они там, на той ли другой службе у большевиков выяснялись».⁸⁴ «Кондуит» состо-

⁸⁰ См. стихотворение «Соглашателям» (Воля Народа. 1917. 12 нояб. № 170. С. 1).

⁸¹ Впервые: Вечерний звон. 1917. 8 дек. № 3. С. 3; под псевд. Антон Крайний.

⁸² Цит. по: «Люди и нелюди». Из публицистики З. Н. Гиппиус первых октябрьских месяцев / Предисл., публ. и прим. А. В. Лаврова // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 54.

⁸³ Там же. С. 53.

⁸⁴ «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подг. текста М. М. Павловой. Вступ. статья и прим. М. М. Павловой и Д. И. Зубарева // Звенья. Истор. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 57.

ял из двадцати двух имен. Иванов-Разумник, занявший пятнадцатое место (после Блока и Андрея Белого), характеризовался следующим образом: «...литер(атурный) критик очень среднего дарования и вкуса, тип не Чуковского, иной. Лев(ый) эсер, в сущности без влияния. Озлобленный».⁸⁵

Очевидно, сама идея составить подобный список родилась «от противного» — как следствие внутреннего противоборства с Ивановым-Разумником. Основной тезис вычленив «первенских», «побежавших за колесницей победителей» является прямым повтором слов из статьи Иванова-Разумника «Свое лицо», где был выказан категорический императив человека «нового» времени: «в нынешние дни победы „большевиков“, в дни их торжества и силы каждый из нас может и должен прямо и смело наметить свой путь, не идя за колесницей победителей».⁸⁶ Этот пассаж статьи, содержащий критический взгляд на мировоззрение Мережковских, несомненно, не был пропущен Гиппиус, видевшей в Иванове-Разумнике опасного оппонента, который коварно прикрывал идеей «скифства» свои большевистские политические пристрастия. Ремизов в этой диспозиции очень подходил на роль невинной жертвы, которую критик «заманил» в свой альманах «Скифы».

В центре статьи Гиппиус оказались не столько поэма Ремизова или же его общественно-политические взгляды, а именно позиция Иванова-Разумника, в которой она видела своего личного противника. «Скифская» революционная идеология изображена в «Подкальвателе» как идеология политических «фон-Зонов Достоевского» — предателей «святых» революционных идеалов, увлекающих Россию к гибели. Характерно, что определение «черносотенное» (т. е. крайне националистическое, агрессивное выражение взглядов защитника монархического строя), которым прежде Гиппиус оценивала «Слово», в ее памфлете приписано Иванову-Разумнику. Между тем статья «Две России» таких дефиниций по отношению к ремизовскому тексту не содержит. Если, по мысли Иванова-Разумника, Ремизов оказался чужд новому революционному сознанию и являлся реакционером именно в противопоставлении с «революционерами духа», то для Гиппиус идеологемы «Слова» не укладывались в иную схему революционного преобразования русской государственности, которая была выстроена Мережковскими и Философовым еще в эпоху первой русской революции.⁸⁷

Памфлет, подписанный псевдонимом Ип. Трилесов,⁸⁸ необычный по резкому и личностному тону обращения к литературному оппоненту, действительно идентичен стилю А. Крайнего революционных лет.⁸⁹ В ракурсе нашего анализа представляет интерес одно конкретное словоупотребление — закавыченное самим автором «Подкальвателя» слово «торжествующие». Не говоря о том, что оно являлось общеупотребительным эпитетом усеченного выражения «торжествующие победите-

⁸⁵ Там же. С. 57—58.

⁸⁶ Цит. по: *Иванов-Разумник. Свое лицо*. Берлин, 1920. С. 6.

⁸⁷ Сборник «Царь и революция» вышел по-французски под тройственным авторством: *Mérekjovskij D., Hippus Z., Philosophoff Dm.* Le Tsar et la Révolution. Deuxième édition. Paris, 1907. См. также: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова. Вступ. статья М. М. Павловой; пер. с франц. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999.

⁸⁸ Гиппиус предпочитала не раскрывать своих спорадических псевдонимов, в особенности тех, которые служили для прикрытия ее роли в конкретных историко-литературных ситуациях. В частности, известны два случая использования псевдонима «Товарищ Герман», которым Гиппиус воспользовалась в организованной Брюсовым в 1906—1907 годах кампании против журналов «Золотое Руно» и «Перевал» (*Товарищ Герман. «Золотое Руно» // Весы. 1906. № 2. С. 81—283; Товарищ Герман. «Трихина» // Весы. 1907. № 5. С. 68—272*). Раскрытие авторства Гиппиус даже заставило В. Я. Брюсова (не без давления Д. С. Мережковского) написать собственную статью под тем же псевдонимом. Подробнее см.: *Лавров А. В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 465; С. 495.

⁸⁹ См. очерки Гиппиус начала 1918 года: «Люди и нелюди», «Призраки», «Лучезарный город», «Стыд и преступление», «Бабская зараза» в кн.: «Люди и нелюди». Из публицистики З. Н. Гиппиус первых октябрьских месяцев. С. 56—62.

ли», своим использованием это слово могло быть обязано статье Иванова-Разумника «Свое лицо», а также имело прямое отношение к лексикону Ремизова. В слове писателя концепт «торжествующие» по отношению к «революционным массам» уже весной 1917-го становится устойчивым эпитетом, приобретая не просто характер объективации победы, а выступая синонимом «обнагленные», прочно связываясь с образом потерявших в революционном запале человеческое подобие людей — «торжествующих обезьян». ⁹⁰ Кроме того, для Ремизова «торжествующие» — это антоним «погибающих». Подобная корреляция восходит к некрасовским поэтическим строкам — «Уведи меня в стан погибающих за великое дело любви!» («Рыцарь на час»), которые переосмысливались писателем в ситуации общего озлобления населения страны и приближения гражданской войны. ⁹¹

Отметим также, что к 1 января 1918 года Ремизов написал антибольшевистский памфлет «Вонючая и торжествующая обезьяна», поводом для создания которого стал декрет о национализации авторских прав. ⁹² Однако в реальности Ремизов создал обобщенный портрет революционера. Текст памфлета не появился в печати, но, несомненно, стал известен литературному окружению писателя, в том числе и Гиппиус, находившейся в доверительных дружеских отношениях с его женой — С. П. Ремизовой-Довгелло. Сохранившаяся многолетняя переписка двух подруг свидетельствует о том, что благодаря подробным рассказам Серафимы Павловны Гиппиус была в курсе литературных дел и дружеских контактов Ремизова. И здесь, разумеется, нельзя не учитывать роль жены писателя в публикации «Подкальвателя». ⁹³ С другой стороны, немаловажен тот факт, что никто из посвященных никогда не упоминал об этом памфлете. И Пришвин, и Ремизов, очевидно, хорошо понимали, какой ущерб их литературно-общественной репутации (сложившейся еще со времен журнала «Заветы» и издательства «Сирия») может нанести заступничество Гиппиус, если авторство «Подкальвателя» будет раскрыто. ⁹⁴

Развернутая в контексте своего времени история публикации «Слова о гибели Земли Русской» и последовавших за ней статей «Две России» и «Подкальватель» демонстрирует отчетливую позицию каждого из участников этого идеологического спора о будущем России и интеллигенции. Самим созданием и адресацией

⁹⁰ Ср. дневниковые записи писателя от 7 марта 1917 года: «Революция распустила чернь» (Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. С. 430); от 8 июня 1917 года; «„И почему мы этому торжествующему хулигану подчиняемся и даем разрушить нашу родину“ — из речи А. А.» (Там же. С. 444).

⁹¹ Ср. запись в дневнике от 4 марта 1917 года, относящуюся к февральским демократическим победам: «Когда я узнал об отречении, все представил себе. Одиночество и сиротливость. Все торжествующее не по мне. Отверженность я не могу позабить» (Там же. С. 428).

⁹² Первую публикацию текста и комментариев к нему см.: Обатнина Е. А. Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 142—153.

⁹³ О том, что Пришвин, организовавший публикацию «Подкальвателя», в этот период испытывал пиетет как к Гиппиус, так и к С. П. Ремизовой-Довгелло, свидетельствует запись в его дневнике, сделанная месяц спустя после публикации памфлета, 22 февраля 1918 года: «(…) Серафима Павловна, Гиппиус) — то духовное, серьезное, из-за чего стоит вообще жить...» (Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919 / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2008. С. 42).

⁹⁴ Ср. письмо Е. Г. Лундберга к Ремизову от 28 января: «Статья „Воли народа“ оскорбительна для Вас, ибо Вы трактуетесь как дурачок в ней. 2) Статья лично-озлобленная. 3) Злоба в ней дурная — и глупая, и пошлая, и пошло выраженная; эту статью не мог по тону и по словам написать порядочный человек. 4) Всем известно Ваше влияние на бедного запутавшегося Мих(айла) Мих(айловича) Пришвина. 5) Всем известны Ваши личные связи, сердечные и деловые, с Ив(ановым)-Раз(умником). Это, с одной стороны. С другой — Разумник делает свое литерат(урное) дело и умно и чисто. Ну-ка, сопоставьте. Вы понимаете в каком положении оказываетесь Вы, если Вас будет защищать пошлым тоном какой-то (вероятно, по стилю коллегивный) между нами будь сказано дурак? (Статья непроходимо глупа и мерзка). Ведь это же марает Вас? Неужели Вы этого не видите? Марает и Пришвина. Если не Вы, то Серафима Павловна должна это видеть» (Е. Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А. М. Ремизову (1910—1918) / Вступ. заметка, публ. и комм. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописно-го отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 365).

в скифский сборник своей поэмы писатель инициировал дискуссию с Ивановым-Разумником, продолжая и впоследствии выражать резко негативное отношение к революционной действительности. И в этом смысле он менее всего подходит на роль невинной жертвы критика. Другое дело, что консервативная позиция автора «Слова» в ходе полемики превратилась в «реакционную», а затем и в «контрреволюционную» — в силу самого исторического процесса и помимо его собственной воли. Призыв к примирению, столь явственно звучащий в ремизовской поэме, не мог быть услышан ни Ивановым-Разумником, ни З. Гиппиус, каждый из которых считал вражду куда более приоритетной ценностью, нежели гражданский мир и согласие.